

Хань Сю замолчал, как только рот ему прикрыли. Его фениксовые глаза, полные энергии и остроты в обычное время, казались теперь мягкими и трогательными. Слезы, неожиданно наполнившие глаза, делали его взгляд ещё более пронзительным. Движение Тун Сюя, прикрывшего его лицо рукой, только подчеркнуло красоту этих глаз.

Рука Тун Сюя задрожала, словно обожжённая.

Он хотел убрать руку, но едва начал движение, как пальцы невольно задержались, а большой палец начал нежно обводить контур губ Хань Сю.

Разум подсказывал, что нужно прекратить эту дерзость, но тело будто перестало подчиняться. Эти глаза, такие ясные и говорящие, странным образом заставляли его сердце биться чаще, а всё тело наполнялось жаром.

Как говорил Хань Сю, в их мире любовь — это то, что невозможно скрыть или избежать. Даже сейчас, несмотря на все усилия Тун Сюя сдержаться, он поддался этому внезапному накалу страсти, невольно приближаясь...

Их носы почти соприкоснулись, а взгляды встретились так близко, что дыхание друг друга, сдерживаемое, но прерывистое, было слышно отчётливо.

Сопротивления не было.

В глазах Хань Сю Тун Сюй не увидел ни капли отказа. Это придало ему смелости. Губы пересохли, а голос, несмотря на попытки сдержать дрожь, выдавал волнение.

— Цунсюэ...

— Тук-тук! — Звонкий голос Цинэр за дверью прервал накалившуюся атмосферу. — Господин Тун, молодой господин уже проснулся?

Оба внутри словно очнулись. Первым пришёл в себя Хань Сю, оттолкнув мужчину, который уже почти навалился на него, и поспешно поправляя одежду.

Тун Сюй, однако, в этот момент проявил неожиданную настойчивость и пылкость, схватив Хань Сю за запястье и твёрдо ответив:

— Ещё нет.

Затем, не оставляя возражений, он снова прижал его к кровати.

— Продолжим...

— Мм... — Протесты Хань Сю были заглушены мягким, но настойчивым поцелуем Тун Сюя.

= =

После всех этих событий Хань Сю «проснулся» только к полудню. Он не ел с утра, а затем пережил приступ опиумной ломки. Хотя после этого он немного поспал, пробуждение снова было прервано «сонным» состоянием, и силы его были на исходе.

Аккуратно застегнув верхнюю пуговицу белого шёлкового халата, он вдруг почувствовал, как к его спине прижалось тёплое, крепкое тело. В следующее мгновение низкий, насыщенный голос Тун Сюя раздался у него в ухе, полный удовлетворения и лёгкой игривости:

— Помогу тебе, а?

Последний звук, слегка восходящий, заставил Хань Сю подумать, что его уши наверняка покраснели.

Широкие, грубоватые руки ловко застегнули последнюю пуговицу на его груди. Хань Сю опустил взгляд, невольно вспоминая, что именно эти руки...

Больше нельзя было об этом думать.

Внутренне он вздохнул. Это был первый раз, когда его так сильно задел его возлюбленный. Хотя они уже давно вместе, и в каждой жизни Тун Сюй не помнил прошлого, их тела были разными. Но обычно именно он был тем, кто заводил отношения. Почему же в этой жизни Тун Сюй, который должен был быть прямолинейным и сдержанным, оказался таким обаятельным? Это было просто нечестно!

Хань Сю не знал, что, пока он восхищался своей неспособностью сопротивляться очарованию возлюбленного, Тун Сюй точно так же был погружён в его красоту, готовый утонуть в ней, не желая спастись.

— Малыш, я хочу ещё... — Застёгивая пуговицы, руки Тун Сюя начали двигаться ниже, а его голос стал хриплым, полным неутоленного желания.

Услышав этот голос, Хань Сю едва не поддался, но, вспомнив о своей поясице и желудке, твёрдо посмотрел на него:

— Хватит уже, сейчас не время для таких глупостей. Кто я тебе, малыш?

Однако этот взгляд в глазах Тун Сюя был полон нежности. Нет, сейчас, с блестящими глазами, слегка опухшими губами, нежной кожей и следами его поцелуев на шее, Хань Сю казался ему просто воплощением соблазна.

Он откинул тонкое одеяло, не сводя глаз с Хань Сю, и начал одеваться.

— Тогда как мне тебя называть? Цунсюэ? Сколько людей так тебя зовут? Я должен быть особенным!

В его голосе звучала обида.

Хань Сю на мгновение замер, умывая лицо, и долго молчал. Тун Сюй почувствовал разочарование. Хотя реакция Хань Сю была для него прекрасной, он интуитивно чувствовал, что это было впервые для него. Но... может, он ошибался?

Голос Хань Сю прозвучал слегка смущённо:

— Моё детское имя — Ши-ши. Зови меня Шиэр.

Тун Сюй замер, а затем широко улыбнулся. Едва натянув брюки, он бросился к Хань Сю, обняв его за тонкую талию, и заговорил с редкой для него юношеской радостью:

— Шиэр!

— Мм.

— Шиэр! Шиэр! Шиэр!

— ...

— Шиэр!

— Ты дурак... Хватит уже, поешь, а потом поедem куда-нибудь.

= =

— Шофёр, в церковную больницу.

Тун Сюй с недоумением посмотрел на Хань Сю:

— Зачем в церковную больницу? — Вспомнив о его опиумной зависимости, он насторожился. — Это не из-за...

— Нет, — успокоил его Хань Сю, похлопав по руке. — Просто нужно забрать результаты обследования. Недавно, когда я тренировался, почувствовал недомогание, поэтому сделал проверку. Сегодня как раз должны быть готовы результаты.

— Ты правильно поступил. — Тун Сюй, выросший здесь до отъезда за границу, знал, что большинство местных жителей с недоверием относятся к западным больницам. Для них больницы были чем-то вроде старых государственных учреждений, куда старались не обращаться. Он был удивлён, что Хань Сю настолько открыт и решил сделать обследование при малейшем недомогании.

Действительно, вспоминая его уверенность перед командующим Суном, осторожность с его «покровителем», третьим господином, и скромность после обретения славы, можно было сказать, что Шиэр был совершенно непохож на тех, кто добился известности, и даже превосходил многих современных «модников».

Возможно, влюбленные видят только лучшее, но в глазах Тун Сюя Хань Сю был совершенством во всём, и его восхищение было вполне оправданным.

— Мы приехали. — Голос Хань Сю прервал его мысли. Он вышел из машины, его стройная фигура освещалась солнцем, а волосы, окрашенные светом, подчёркивали его молочно-белую кожу и слегка бледные губы. Казалось, он вот-вот растает в этом свете.

В глазах Тун Сюя промелькнула фраза из «Чжуан-цзы»: «Кожа, подобная снегу и льду, грациозна, словно дева».

= =

Хань Сю сделал это обследование не случайно. В памяти Ци Цунсюэ, примерно через год, вместе с падением его репутации, постепенно ухудшались и его способности к пению.

В то время, будучи ведущим актёром, он уже не должен был выполнять сложные трюки, но для Ци Цунсюэ, чья репутация была разрушена, пение стало единственным смыслом жизни. Помимо опиума, он тренировался с безумной одержимостью. Возможно, именно это подорвало его здоровье. Через полгода таких изнурительных тренировок у него начались периодические боли в ногах. Сначала он не придавал этому значения, но позже, даже когда Тун Сюй строго контролировал его режим, боли усиливались.

К моменту смерти боль стала постоянной.

Но к тому времени Ци Цунсюэ уже был подобен «угасшему дереву и дрейфующей лодке», и его жизнь висела на волоске. Ему было всё равно на эти страдания, и, кроме преданного Тун Сюя, многие в столице, кто когда-то восхищался им, уже забыли о бывшем актёре. Поэтому, хотя Ци Цунсюэ любил пение, он не считал это своей главной целью.

<http://bllate.org/book/17715/1655499>